
ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ

1

Они договорились встретиться утром, в восемь часов, подле университетских ворот. Но когда в половине восьмого Дуся Пасько, запыхавшись, пересекала Моховую, Женя Руднева уже бежала к ней навстречу.

— Пойдем! — бросила она на ходу вместо приветствия.

— Пойдем, — ответила Дуся, тряхнув головой.

И, взявшись за руки, словно девочки, да и похожие на девочек — невысокие, худощавые, с косами по пояс, они направились туда, где должна была решиться их судьба.

Шел октябрь 1941 года...

Четвертый месяц на советской земле бушевала война. Это была самая тяжелая из войн, когда-либо пережитых нашей Родиной.

Двадцать второго июня 1941 года, вторгнувшись в Советский Союз без объявления войны, вероломно нарушив договор о ненападении, заключенный в 1939 году между Германией и СССР, фашисты рассчитывали на скорую победу. Они были уверены, что смогут наверняка «покончить» с СССР в полтора — два месяца и сумеют за это короткое время дойти до Урала.

Но враги советского народа жестоко просчитались. Удар чудовищной силы, обрушенный фашизмом на СССР, не сломил нашу армию, наш народ. С первых же дней войны советские воины мужественно и самоотверженно бились за каждую пядь родной земли. В упорных и тяжелых оборонительных боях наши войска наносили большой урон врагу. Планы «молниеносной войны», широко разрекламированные гитлеровцами, срывались.

Однако немецко-фашистские захватчики находились тогда в несравненно более выгодном положении, чем наши Вооруженные Силы, обладали рядом серьезных преимуществ. Враг бросил против Советского Союза многомиллионную армию, вооруженную до зубов. Фашисты имели превосходство в

технике — танках и авиации. На их стороне в этом было преимущество. Вот почему, несмотря на героическую борьбу советских воинов, фашистам удавалось ценой огромных жертв продвигаться вперед. Гремели орудия на Украине и в Белоруссии. Враг угрожал Ленинграду. Начинались бои на дальних подступах к Москве.

Советский народ, возглавляемый великой Коммунистической партией, не дрогнул перед лицом смертельной опасности, нависшей над Отечеством. Наша партия была организатором и вдохновителем борьбы советских людей против фашистских захватчиков. Партия послала на фронт лучших своих сынов. На руководящую работу в войсках были направлены выдающиеся деятели партии и государства.

Под руководством партии Советская страна мобилизовала все свои силы для борьбы против кровавого фашизма. Перестраивалось на военный лад народное хозяйство. В тылу обучались и создавались новые дивизии. В городах, которым угрожал враг, организовывались части народного ополчения. Весь советский народ, полный веры в неминуемое торжество своего правого и благородного дела, поднялся на священную войну против фашистов, за свободу, честь и независимость Родины.

Верные заветам великого Ленина миллионы советских людей грудью встали на защиту социалистического Отечества.

2

...В эти суровые октябрьские дни 1941 года Жене Рудневой было двадцать лет.

Скромная девушка из небольшого подмосковного городка Бабушкина, Женя Руднева не знала до войны никаких сколь-нибудь значительных забот и тревог. Сердечная, веселая, она пользовалась всеобщей любовью и в школе и в университете. Трудолюбивая и настойчивая, с незаурядными способностями, она прекрасно училась, и преподаватели, а затем и профессора предсказывали ей успехи в научной деятельности.

Рано определив свое жизненное призвание, Женя успешно шла к намеченной цели. Еще подростком она, по ее словам, «смотрела на небо, как на свою собственность», грезил о том, как станет астрономом, будет ночи напролет просиживать у телескопа в обсерватории, изучая законы мироздания, проникая в тайны космоса.

Друзья давно звали ее ласково и шутливо: «Наш звездочет». И она действительно, сделалась «звездочетом».

Отлично закончив среднюю школу, Женя по конкурсу была принята на астрономическое отделение механико-математического факультета Москов-

ского университета. На втором курсе, перед войной, она уже самостоятельно вела сложные астрономические наблюдения. Ее первая научная работа, завершенная весной 1941 года, получила высокую оценку кафедры.

Жизнь разворачивалась перед ней полная радости и солнца. «После каникул все пошло своим чередом, — писала она в дневнике. — Но буднями это назвать нельзя. Разве это будни, когда каждый день приносит новое, прекрасное?..»

Чувствуя себя счастливой, Женья еще на заре своей юности понимала, кому она обязана этим. Ее любовь к Советской Родине была естественна, как дыхание. Снова и снова заносила в свой дневник перечень выдающихся побед, одерживаемых соотечественниками в труде и культуре, в искусстве и спорте, она писала: «Какое это счастье чувствовать себя частью такого большого и грандиозного и вместе с тем близкого и родного Союза!..»

Но счастьем советских людей угрожали империалистические хищники.

Международная реакция на протяжении десятилетий преследовала нашу Родину своей злобой и ненавистью, плела козни против советского народа. Это она расчистила Гитлеру путь к власти и помогла германскому фашизму создать мощную военную промышленность, сильную армию.

Советские люди всегда помнили о том, что империализм не расстается со своими бредовыми надеждами на порабощение нашего народа.

Когда Женья Руднева, еще школьницей, думала об опасности, угрожающей Родине, мысли ее неизменно обращались к благородному образу Павки Корчагина. «За что ценит людей Николай Островский? — писала она в дневнике 18 января 1938 года. — Он ценит человека «за его мужество, за безграничную выносливость, за этот тип человека, умеющего переносить страдания, не показывая их всем и каждому. Я за этот образец революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим».

Приводя эти слова Николая Островского, Руднева подчеркивала: «Я — тоже!».

В те же январские дни 1938 года, когда за рубежом уже полыхало пламя второй мировой войны, разожженной фашистскими агрессорами, 17-летняя комсомолка Евгения Руднева, просмотрев только что выпущенный кинофильм «Ленин в Октябре», так размышляла на страницах дневника:

«Я очень хорошо знаю: настанет час, я смогу умереть за дело моего народа так, как умирали они, безвестные герои из этого чудного фильма!»

Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю: все условия создала советская власть, чтобы каждый мог осуществить свою мечту, какой бы смелой она ни была. Но я комсомолка, и общее дело для меня дороже, чем свое личное (именно так я и рассматриваю свою профессию), и, если партия, рабочий класс этого потребуют, я надолго забуду астрономию. сделаюсь бойцом, санитаром, противохимиком...».

Когда война внезапно обрушилась на советский народ, девушки тысячами осаждали военкоматы и комитеты комсомола, настаивая, умоляя, убеждая, чтобы их послали на фронт. Им говорили сначала одно: «Нет, для вас хватит дела в тылу!» А студенток совсем не хотели слушать...

Женя и после 22 июня 1941 года вполне могла продолжать свое любимое дело. Больше того, в университете, в райкоме комсомола она только и слышала, что в условиях войны нужно учиться особенно ревностно, что новые кадры специалистов теперь, как никогда, дороги, важны, необходимы.

И, конечно, это было так. Разумом она соглашалась с этим. Разумом, но не сердцем.

С каждым днем война давала себя знать все ошутимее. Начались налеты фашистской авиации на Москву. По ночам студентки дежурили на крыше университетского здания, на этажах — у пожарных шлангов, у ящиков с песком. Мало кому из гитлеровских «ассов» удавалось прорваться сквозь заградительный огонь советских зениток, защищавших небо столицы. Но кое-кто прорывался, и тогда рвались фугасные бомбы, горохом падали на крыши, шипя и плюясь искрами, зажигательные бомбы.

На московских улицах, строгих и малолюдных, все чаще появлялись фронтовые автомашины, нередко с вмятинами и дырами от осколков мин, снарядов.

Студентки участвовали в строительстве оборонительных рубежей на дальних, а затем и ближних подступах к столице, в ее пригородных районах. Все говорило о том, что идут тяжелые бои, что борьба трудна, требует предельного напряжения сил...

Несмотря на превосходство врага в численности войск и боевой техники, советские воины то там, то здесь наносили ему сильные, чувствительные удары. Но результаты всего этого могли сказаться и сказались значительно позднее, когда в битву вступили главные силы Советской Армии, в то время лишь отобилизовавшиеся и вооружавшиеся. А пока что огненный вал фронтов двигался вглубь нашей страны, проглатывая новые и новые районы.

И каждая очередная сводка с фронтов отзывалась в душе девушки острой болью...

Эта боль звала к борьбе. После сводок с фронтов по радио гремели песни гнева и мужества, любимые народом в горькую пору военных невзгод. Одна из них особенно запомнилась Жене:

Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой
С фашистской силой темною, с проклятою ордой!
Пусть ярость благородная вскипает, как волна.
Идет война народная, священная война!

— Понимаете, — народная, священная! — говорила она друзьям запальчиво. — А мы где? В тихой заводи, в университетском инкубаторе! Нечего сказать — достойная позиция!..

Временные неудачи наших войск не приводили в уныние Женю. Она непоколебимо верила, твердо знала, что никому и никогда не поставить на колени наш великий народ. На ее глазах Москва, неузнаваемо преображаясь, становилась неприступной крепостью. Она чувствовала, понимала, что советский народ под руководством Коммунистической партии только разворачивает свои неисчислимые силы, готовясь сокрушить и уничтожить подлого врага, посягнувшего на свободу, независимость и честь Родины. Война была народной, война была священной, и Женя считала невозможным для себя оставаться в стороне от битвы, решавшей не только судьбы социалистического Отечества, но и судьбы всего мира.

В это время, в суровые октябрьские дни 1941 года, Центральный Комитет ВЛКСМ объявил добровольный набор комсомолок в армию.

Когда 10 октября Женя встретила у входа в университет Катю Рябову, свою сокурсницу, уже обсудившую эту новость с другими девушками, черные глаза Кати сияли радостью.

— Завтра идем в ЦК — и на фронт! — звонко сказала она, обнимая Женю.

Та в ответ тихо промолвила, опустив глаза:

— А меня, как думаешь, возьмут?..

Катя сразу поняла, что имела в виду Женя, откуда у нее эта неуверенность, сомнение. В извещении о добровольном наборе подчеркивались два обязательных требования к девушкам, желающим воевать: они должны иметь хорошие показатели в учебе и быть спортсменками. Катя удовлетворяла обоим этим требованиям. К тому же, еще до войны она окончила пулеметную школу при Осоавиахиме. А вот Женя всегда была далека от спорта, так уж получилось...

Чем можно было утешить подругу? Только одним:

— А ты скажи, что спортсменка, это ведь не обман — в армии научишься!

Женя так и решила сделать. Тут же позвонила Дусе Пасько, студентке четвертого курса, — они еще в июле, подружившись во время совместной работы в совхозе Дединово на Оке, договорились, что пойдут на фронт вместе.

И вот ясным октябрьским утром, встретившись у ворот университета, девушки направились в Центральный Комитет комсомола.

Они шли по улицам Москвы, мимо серебристых туш аэростатов воздушного заграждения, притулившихся у земли то там, то здесь в этот тихий час, и, смеясь, вспоминали всякие забавные случаи из студенческой жизни последних дней, которая уже казалась им далекой.

Вдруг лицо Жени затуманилось.

— Что с тобой? — встревожилась Дуся.

— Одно только плохо — как маме сказать?
Дуся, вздохнув, крепко сжала руку подруги. Да, Жене труднее, чем ей, которой не надо объясняться с родителями — они живут в Пржевальске, в далекой Киргизии. А главное — Женья единственная дочь...

Но та уже снова вскинула голову.

— Ничего, мама поймет.

И девушки ускорили шаг.

4

Когда Женья и Дуся подошли к зданию ЦК ВЛКСМ, они увидели у входа группу девушек. Подруги удивленно переглянулись, им казалось, что они будут первыми. Женья разочарованно протянула:

— Вот это сюрприз... — и тотчас добавила от души: — Ну, конечно, мы с тобой, Дуся, не одни. Таких девушек много. И это так хорошо!

Весть о призыве Центрального Комитета комсомола быстро распространилась среди молодежи столицы. На заводах и фабриках, в институтах и учреждениях начался отбор комсомолок, желающих добровольно пойти на фронт. Отбор был строгий, придирчивый, и многие девушки, опасаясь, что их кандидатуры почему-либо отклонят, сами направлялись в ЦК ВЛКСМ.

Несмотря на ранний час, помещение комендатуры было переполнено. Стоял несмолкающий гул голосов. Девушки настойчиво добивались пропуска в отдел кадров. Установилась очередь.

Женья и Дуся, очутившись в шумной толпе молодежи, очень скоро разобрались в обстановке. Они узнали, что набор идет уже третий день, что каждую девушку спрашивают о состоянии здоровья, о положении семьи, имеет ли она какую-нибудь военную специальность.

— Ах, беда! — раздавались взволнованные голоса. — У меня нет никакой военной специальности! Что я скажу?

Женья хорошо понимала такие волнения...

Но тут же она услышала замечательную новость. Оказалось, что в эти дни командование Вооруженных Сил по ходатайству ЦК комсомола приняло решение о создании специального женского авиационного полка. Его формированием руководила Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова, прославленный штурман экипажа самолета «Родина», совершившего в 1938 году знаменитый перелет из Москвы на Дальний Восток.

Узнав об этом, подруги повеселели. Как хорошо было бы попасть в этот полк, стать авиаторами! Здесь, наверное, пригодятся и их знания математики, астрономии. Но удастся ли? Ведь добровольцев так много...

И действительно, в вестибюль входили все новые и новые девушки — из университета и институтов, с фабрик, заводов, из учреждений, а то и про-

*Начальник группы формирования полка
Герой Советского Союза
Марина Раскова*

сто школьницы, решившие на всякий случай попытать счастья, с унынием предчувствуя, что им откажут.

Светлоголовая порывистая Таня Масленникова, опасаясь, что с ней и говорить не станут, — такой юной казалась она в свои 18 лет, — захватила с собой в ЦК ВЛКСМ кипу документов. Тут были и характеристики комсомольского комитета, фабкома, из которых явствовало, что Татьяна Николаевна Масленникова с честью несет звание члена ВЛКСМ, является одной из передовых ткачих фабрики имени Фрунзе; и свидетельство об окончании средней школы; и, на всякий случай, зачетная книжка вечернего текстильного техникума, куда она поступила перед войной...

Коренастая, быстрая в движениях Маруся Логачева, подруга Тани по фабрике, держалась куда увереннее, и на то у нее были основания. Но эта уверенность пришла к ней не сразу, далась не легко.

С первых дней войны она решила пойти на фронт. Ей сказали: «Нельзя! Вы — помощник мастера, член фабричного комитета комсомола, такие люди нужны и в тылу». Когда ей удалось, наконец, уговорить секретаря партийного комитета фабрики, запротестовал комсомольский секретарь: «Что я стану делать, если у меня заберут весь актив! Нельзя оголять фабрику». Секретарь партийной организации согласился с ним, сказав Марусе, видя, как потускнели ее ясные, умные глаза: «А ты не огорчайся, пойдешь в случае чего на оборону Москвы».

Но в тот же день, когда она, печальная и злая, пришла на вечернюю смену, начальник цеха Климов, сам собиравшийся в армию, несмотря на то, что его не хотели отпускать с фабрики, обрадовал ее: «Ну, Маруся, учил я тебя, жаль отпускать, да вижу, как ты вся измаялась. Собирайся, девушка, в путь: я узнал, что ЦК ВЛКСМ набирает комсомолок в авиационный полк. Ты — активная общественница, кандидат партии, тебя, конечно, возьмут!»

Услышав, что дело идет об авиационном полку, Маруся побледнела, даже всхлипнула: «Не возьмут меня...» Ей было хорошо памятно, как год назад комиссия отказалась принять ее в аэроклуб из-за того, что ее ноги оказались на два сантиметра короче, чем требовалось соответствующими правилами. Но Климов, служивший в авиации, тут же успокоил ее, сказав, что победа в воздухе подготавливается на земле, что есть много важных авиационных специальностей, для которых вовсе не обязательны высокий рост, способность летать, что Марусю наверняка примут в авиационный женский полк, конечно, примут. И ей стало радостно.

На этот раз Марусю не задерживали. Чтобы отрезать все пути к отступлению, она тут же взяла расчет на фабрике, решив стать медсестрой, если не попадет в авиационный полк.

С обходным листком на руках Маруся встретила в цехе Зину Вишневу, свою соседку по общежитию. Та, взглянув на листок, сразу все поняла.

— Совести у тебя нет, — кинула Зина в сердцах, и озорные глаза ее стали суровыми. — Тоже друг! Не могла мне сказать...

Маруся почувствовала себя виноватой. И в самом деле, как она могла забыть о Зине!

Эта своенравная, энергичная девушка, вся сознательная жизнь которой протекала на фабрике, в комсомоле, никак не могла примириться с тем, что остается в стороне от битвы, когда над Родиной разразилась буря. Она дежурила в команде противовоздушной обороны, считая воздушные тревоги не обязательными для себя. Она поступила на курсы медсестер, готовясь пойти на фронт. Все, что ее интересовало и заботило прежде, отошло на задний план, уступив место одному, всепоглощающему стремлению — воевать, своими руками защищать родной, светлый советский дом...

После разговора с Марусей Логачевой Зина, кончив работу, поспешила в фабричный комитет комсомола. Секретарь комитета встретил ее угрюмо: в этот день его снова отказались зачислить в армию из-за серьезного физического недостатка. В ответ на жалобу Зины он отрезал:

— Хватит с нас Логачевой! Не всем воевать, люди нужны и в тылу.

Зина сначала пыталась переубедить его, потом — упрямая, кусая губы, отворачиваясь, чтобы не видно было слез обиды, выступивших на глазах. А когда секретарь остался непоколебим, девушка стала кричать на него. Но и это не помогло. Тогда она, резко повернувшись, вышла, кинув с порога угрожающе, что мол-де разговор еще не окончен.

Ночью Зина вместе с Марусей собирала вещи, а утром опять пошла в комитет и спокойно сказала:

— Дай направление.

И секретарь молча протянул ей уже напечатанную, подписанную характеристику на члена ВЛКСМ, ватерщицу фабрики имени Фрунзе Зинаиду Ивановну Вишневу.

Схватив ее, Зина бросилась к двери и потом долго не могла простить себе, что не сказала «спасибо» секретарю, не извинилась перед ним за грубость, допущенную накануне, не поняла, — а должна была понять горячим девичьим сердцем, — что ему просто больно, горько чувствовать себя непригодным для армии, фронта...

И вот три подружки, три молоденьких текстильщицы с фабрики имени Фрунзе явились в ЦК комсомола.

5

Познакомившись с этими девушками, Женя и Дуся обратили внимание не только что вошедшую группу девушек. Они выделялись своей подчеркнутой уверенностью, независимостью, словно им уже сказали: «Все в порядке, товарищи! Отправляйтесь в часть...» По-хозяйски раздвигая очередь, они направились во внутренний коридор.

Дуся окликнула одну из них, самую молоденькую, выглядевшую совсем подростком:

— Откуда вы?

Та бросила на ходу с явной снисходительностью, не поворачивая головы:

— Из МАИ, девушка!

Это была Наташа Меклин. В свои 19 лет она уже не только горячо любила, но и неплохо знала авиацию, которая покорила ее сердце еще в детские годы. Закончив школу, она не колебалась в выборе будущего и стала студенткой Московского авиационного института, уже видя себя в мечтах зрелым инженером-авиастроителем.

Три месяца Наташа вместе с другими студентками МАИ была на оборонительных рубежах. Вернувшись, она узнала, что институт готовится к эвакуации. Наташа отказалась покинуть Москву.

— Раз в армию не берут, пойду в ополчение! — заявила она.

Но 11 октября ей стало известно о призыве ЦК ВЛКСМ, о формировании женского авиационного полка. Эту весть принесла в институт Галя Докутович.

Девушка из города Гомеля, она выросла с убеждением, что мир предназначен для счастья людей. И все, что она видела вокруг, вся собственная ее жизнь под ясным и мирным советским небом подтверждали и укрепляли это убеждение, воспитанное в ней семьей, пионерским отрядом, комсомолом.

«Не знаю, почему именно нравится мне литература, — писала Галя в своем дневнике школьных лет. — Очевидно, потому, что великую силу имеет она над человеческими умами и сердцами, учит человека глубже всматриваться в жизнь, в окружающее, смелее и чище жить». Но ее интересовала не только литература. Физика и история, биология и математика, музыка — до всего ей было дело и все ей легко давалось.

Потом пришло увлечение спортом, и она стала лучшей гимнасткой школы, дважды завоевав второе место на республиканских гимнастических соревнованиях.

В девятом классе мечтами Гали овладела авиация. Она прыгала с парашютом, уиваясь, по ее словам, тем, «как хорошо в воздухе раскачиваться, словно на качелях, когда ничто не мешает и воздух так чист и прозрачен». Она летала на самолете, на планерах. «Как было весело натягивать амортизатор, взлетать и, пролетев на истинно бреющем полете десять метров, чувствовать себя героем!..»

И понятно, что, окончив в 1938 году школу, Галя поступила учиться в авиационный институт. Но грянула война, и все ее интересы, стремления свелись к одному — на фронт!..

Она, так же как и Наташа Меклин, собиралась в ополчение и тут узнала о добровольном наборе комсомолок в армию. Чтобы действовать наверняка, — иначе было не в ее характере, — Галя решила застаться рекомендацией комсомольской организации института. «Ничего подобного! — отрезал, было, секретарь. — Фронту нужны самолеты, стране нужны авиастроители, изволь продолжать учебу». Это слышали затем и Наташа Меклин, и другие студентки, ставшие впоследствии воинами.

В тот день, 11 октября, Наташа случайно встретила Галю на улице.

— Куда спешишь? — удивилась она.

Галя вместо ответа протянула свою рекомендацию. Прочтя ее и сразу поняв в чем дело, Наташа молча повернулась и со всех ног кинулась в институт за рекомендацией.

Тем временем по дороге в ЦК комсомола Галя зашла к своей землячке, своему верному другу с пионерских лет Полине Гельман.

— Я пойду с тобой, — сразу же сказала Полина.

Галя начала отговаривать ее.

1 января 1940 года, поздравляя подругу с Новым годом, Галя пожелала ей «много-много счастья и, в первую очередь, вырасти на пятнадцать сантиметров, поступить в аэроклуб и успешно окончить летную школу». Из-за маленького роста Полину не допустили тогда к полетам. За время, прошедшее с тех пор, она, увы, не выросла! И вообще она не спортсменка, физически не закалена. А ее успехи в университете, на третьем курсе исторического факультета, — кому они нужны на войне?

Таковы были доводы Галины. Полина безоговорочно отвергла их. Когда Галя продолжала настаивать на своем, она медленно произнесла:

— Ты что, с ума сошла? Или просто забыла двадцать первое августа? — И голубые глаза ее потемнели.

21 августа подруги узнали из сводки Совинформбюро, что их родной город, город мирных советских людей, после ожесточенных боев захвачен гитлеровцами.

— Прекрати эти разговоры раз и навсегда, — сказала Полина с необычной для нее резкостью. И добавила спокойно: — Я сейчас соберусь.

У входа в здание ЦК ВЛКСМ они столкнулись с Наташей Меклин и другими девушками из МАИ, прослышавшими о наборе, о полку Марины Расковой, и все вместе пошли в отдел кадров.

6

Много лет прошло с тех дней, а они не стерлись, не потускнели в памяти Григория Розанцева, возглавлявшего тогда в Центральном Комитете ВЛКСМ отбор добровольцев-комсомолок в женский авиационный полк, создаваемый по инициативе патриотов. Когда он беседовал с девушками, всем сердцем стремившимися защищать любимую Советскую Родину, ему казалось, что ожило в новой красе легендарное героическое время, воспетое Николаем Островским на страницах книги «Как закалялась сталь».

Мелькали перед ним разные девичьи лица — то сильные, то нежные, суровые и капризные, а то и просто такие, в которых угадывалась бездумная подростковая горячность да смешливость, — и все они покоряли искренним пылом патриотических чувств, ясных, без громких слов.

Сначала Розанцев и другие товарищи, участвовавшие в работе комиссии, проверяя, насколько серьезно, продуманно стремление девушек пойти на фронт, нарочито нагромождали перед ними всякие страхи, во многом обоснованные, подчеркивали, выпячивали самые тяжелые стороны войны.

— Вы сознаете, что можете погибнуть? Война есть война, победа невозможна без жертв, — услышала здесь Катя Доспанова, студентка медицинского института, девушка из Казахстана.

— Я это знаю, — ответила она и, помедлив немного, добавила с укоризной: — Неужели вы не понимаете, товарищи, что когда решаются судьбы Родины, нам ничего не страшно?

Накануне Доспанова вместе со своей сокурсницей Таней Сумароковой была в райкоме комсомола. Секретарь райкома даже возмутился, услышав от них — в который раз! — ту же просьбу. «Вы что думаете, я сам не хочу на фронт? — закричал он, вскочив из-за стола. — Мне говорят: «Сиди на своем месте!» И я вам это говорю. Кто же в тылу останется, если все активисты уйдут воевать!»

Но то было накануне, а теперь Катя и Таня решили во что бы то ни стало добиться своего, и в ЦК комсомола поняли их.

Розанцев много говорил девушкам о бытовых трудностях, связанных с фронтовой жизнью.

— Вот вы любите хорошо одеваться, — сказал он Саше Хорошиловой, студентке исторического факультета Московского педагогического института имени Ленина, которая пришла в ЦК комсомола, как на праздник, — в нарядном платье, легких туфельках на высоких каблуках.

Девушка покраснела, прикусив губы. Но Розанцев успокоил ее:

— Это неплохо, это естественно, но, поймите, что на фронте от всего этого придется отказаться! Будут окопы, придется спать на земле, порой некогда будет умыться, придется проститься со всем, к чему вы привыкли, что любите...

— Ну что ж. Ведь я — комсомолка! — Саша могла бы добавить, что она давно стремится на фронт — окончила школу медсестер, пыталась пойти в ополчение, ходила в военкомат.

Снова и снова, разными словами, разные девушки — работницы и студентки, служащие и вчерашние школьницы, — говорили одно и то же в ответ на предупреждения о тяжести, невзгодах и лишениях фронтовой жизни:

— Все знаем, все обдумали. Мы идем на фронт, чтобы защищать Родину наравне с мужчинами, и, как все, будем биться до полной победы над врагом!..

Вот вызвали Руфину Гашеву, дочь сельского учителя с Урала.

— Где вы учитесь?

— На третьем курсе механико-математического факультета Московского университета.

— Третий курс — это уже много! Не правильнее ли для вас было бы продолжать учебу? Кадры нужны стране, обучение молодого поколения, а тем более научная работа, которая может вас ждать впереди, — большое дело!

— Нет. Я буду воевать. Я должна быть на фронте.

— А вы представляете себе, что значит воевать, что такое фронт?

— Да, представляю. Я училась в снайперской школе, знаю пулемет, умею хорошо стрелять.

— Но вы отдаете себе отчет в том, что могут быть очень тяжелые условия, что придется находиться под огнем, рисковать здоровьем, жизнью, терпеть всякие лишения, иногда недоедать, недосыпать?..

— Я все это хорошо знаю.

Что оставалось делать Розанцеву? Задать последний по очереди, но совсем не последний по значению вопрос:

— А родители?

В ЦК комсомола досконально выясняли семейные обстоятельства девушек, желающих пойти на фронт, и если родители были против этого, если речь шла о единственных детях или предвиделись какие-либо затруднения для семьи, им обычно советовали остаться на месте.

И девушки, получившие отказ, порой шли жаловаться к другим работникам ЦК комсомола, возмущаясь несправедливостью. Те же, которым говорили «да», пулей вылетали из кабинета, радостно оповещая подруг:

— Лечу за вещами!..

Но впереди была мандатная комиссия и встреча с врачами. Решающее слово еще оставалось за представителями армии.

7

Сборный пункт женской авиационной части, создававшейся под руководством М. М. Расковой, находился в одном из зданий Военно-воздушной академии, в древнем Петровском парке.

Когда девушки, получившие направление от ЦК комсомола, являлись сюда и узнавали, что предстоит пройти мандатную, а затем медицинскую комиссии, ими снова овладевала тревога. Большинство из них не имело никакого отношения к авиации, а многие и вообще к военному делу, и они боялись, что военные люди, заседавшие в этих армейских комиссиях, окажутся более требовательными, чем товарищи из ЦК ВЛКСМ. Но они решили без боя не сдаваться.

Саша Акимова, 19-летняя студентка исторического факультета, считавшая до войны, что самое увлекательное в жизни — изучение истории, ибо настоящее и будущее вырастает из прошлого, бодро заявила мандатной комиссии, вскинув голову:

— Я давно хотела быть стрелком!

Пожилый офицер, сидевший за столом, поспешно начал поглаживать пышные усы, явно укрывая непроизвольную мягкую улыбку. А сидевшая рядом женщина в авиационной форме с красивым и строгим русским лицом —

это была Марина Раскова — дружелюбно осведомилась, что, собственно, понимает Акимов под стрелком, как она представляет обязанности стрелка в авиации.

Саша только накануне, в ЦК комсомола, узнала о существовании в авиации такой специальности и думала, что стрелок или вооруженец — это тот, кто только стреляет с самолета...

Некоторые девушки, стремясь выдать себя за серьезных знатоков военной авиации, попадали впросак. Одну из них спросили:

— Раз вы так хорошо знаете самолеты, скажите, пожалуйста, какими пулеметами они вооружены?

В ответ последовало:

— О, многими! Есть, например, такой замечательный авиационный пулемет «Як»...

«Як» — пулемет?.. — изумленно переспросила Раскова и от души рассмееалась: это было наименование широко распространенного самолета-истребителя.

В тех случаях, когда выяснялось, что военные знания девушки явно недостаточны, разговор затягивался.

Комиссия интересовалась, как девушка работала, училась, как представляет себе фронтовую жизнь, чтобы правильно определить, сможет ли она стать умелым, стойким воином.

Узнав об успехах Жени Рудневой в математике, в астрономии, Марина Раскова одобрительно сказала:

— Штурману это очень на руку!

У Марии Логачевой спросили, узнав, что она не имеет никакой военной специальности:

— Как же вы будете воевать?

— Научусь.

— Но это нелегко.

— А хорошее никогда не бывает легким. Я работать умею, спросите на фабрике.

— Может, вам лучше вернуться на фабрику?

— Нет, я буду на фронте бить врага.

А студентка Руфина Гашева горячо произнесла:

— Я хочу защищать Родину тем оружием, которое мне дадут, и оправдаю высокое звание члена Ленинского комсомола!

Вот перед мандатной комиссией появилась Зина Вишнева.

— Почему вы хотите пойти в армию? — спросила у нее Марина Раскова, ознакомившись с анкетой молодой текстильщицы.

— Потому, что хочу защищать Родину и могу защищать не хуже мужчин.

— Но вы не знаете военного дела.

— Производства я тоже не знала, а теперь — не последняя в цехе!

— Имейте в виду: на войне не каждый день приходится совершать подвиги. Может случиться и так, что изо дня в день придется караулить. Что тогда?

— Так всю войну и буду караулить, если прикажут.

Глаза Расковой потеплели.

— А со здоровьем как?

— Хорошо.

— А ноги не болят?

Она спросила об этом совершенно случайно, но сердце у Зины дрогнуло: ноги ее действительно побаливали. «Откуда только узнала?» — подумала она со страхом, но ничем не выдала себя, звонко промолвив:

— Что вы, у меня совершенно здоровые ноги, я так бегаю...

Это она заявила и врачам, когда проходила медицинскую комиссию.

В день, когда заседала медицинская комиссия, девушки были особенно бодрь, подвижны и, конечно, чувствовали себя особенно здоровыми.

Но надо же было случиться, чтобы у студентки педагогического института Лиды Гогиной как раз накануне медицинского осмотра заболело ухо, да так, что она не могла слышать слов, сказанных врачом.

— Поймите, товарищи, это же случайно! — говорила она, обращаясь к членам комиссии, и голос ее дрожал, а глаза начали блестеть.

И в это время дверь приоткрылась и в комнату заглянули ее сокурсницы по институту Саша Акимова и Саша Хорошилова, которые не могли бросить подругу в беде.

— Товарищ врач, она абсолютно здорова! — категорически заявила одна из них.

— У нее ухо заболело только сегодня, товарищ врач, — умоляюще добавила другая. — А так она хорошо слышит, мы свидетели, мы с ней живем!

Врач, уже закончивший медицинское освидетельствование Лиды, улынувшись, написал против ее фамилии на листе: «Здорова». Ему хотелось написать: «Очень здорова — и духом, и телом».

И это было бы совершенно верно по отношению к каждой из девушек, приходивших в те дни в Петровский парк с мыслью о фронте, о женском авиационном полку.

8

Формирование полка шло полным ходом. Марина Раскова вкладывала в это дело весь огонь своего большого сердца, всю свою неистощимую энергию. Ее ближайшими помощниками были известная летчица, участница рекордного перелета Севастополь — Архангельск, Вера Ломако, летчица Тамара Казаринова, а по политической части — Евдокия Рачкевич, первая советская женщина, окончившая Военно-политическую академию, и Зинаида Гор-

Комиссар полка Евдокия Рачкевич

ман, имевшая значительный опыт партийно-политической работы.

Наряду с девушками, которые только со временем могут стать умелыми авиаторами, для полка подбирали уже подготовленные кадры. То были летчицы аэроклубов и Гражданского воздушного флота. Многие приходили сами, добиваясь личного приема у Расковой. Именно так попали в полк Женья Жигуленко и Катя Тимченко.

В Тихорецке, где жила с детства Женья Жигуленко, соорудили на стадионе парашютную вышку. Каждый день по дороге в школу, проходя мимо стадиона, Женья с завистью смотрела на юношей и девушек, прыгавших с парашютом. Когда она сказала матери, что тоже хочет прыгать, та замахала руками:

— И слышать не хочу, и думать не смей — разобьешься!..

Женья, в ту пору семиклассница, тоненький подросток с пышной золотистой косой, ничего не ответила, лишь передернув плечами. Вскоре, накопив деньги, она пришла на стадион,

купила билеты и несколько раз подряд прыгнула с вышки, отчаянно жмурясь, затаив дыхание. И хотя это дало лишь слабое, самое отдаленное представление о воздушной стихии, судьба ее была решена. Она стала видеть себя в мечтах только авиатором, покорителем воздушной стихии!

Оно и понятно. Это было в те годы, когда молодая советская авиация, любовно выпестованная Коммунистической партией, начала свой стремительный полет ввысь.

За время первых пятилеток, в период социалистической индустриализации страны, создав свою отечественную авиастроительную промышленность, советский народ быстро рванулся вперед, к вершинам авиационной культуры. Блестяще овладев первоклассной летной техникой, мужественные советские патриоты, воспитанные партией, творили чудеса, изумляя весь мир выдающимися для тех дней победами.

Советские пилоты завоевывали все новые авиационные рекорды. В сиянии славы прогремели над нашей страной и над всеми другими странами имена Каманина, Ляпидевского, Леваневского, Водопьянова, Слепнева,

Молокова и Доронина — первых Героев Советского Союза, участников героической эпопеи спасения челюскинцев. Весь народ гордился историческими беспосадочными перелетами Чкалова, Байдукова, Белякова, Громова, Данилина, Юмашева, впервые проложившими путь из Москвы в Америку через Северный полюс, слывший до того неприступным. Советские женщины также внесли свой вклад в сокровищницу побед авиации страны социализма: экипаж самолета «Родина» в составе Гризодубовой, Осипенко и Расковой совершил выдающийся по тем временам перелет из Москвы на Дальний Восток.

Естественно, что советская молодежь грезил тогда об авиации, о покорении безбрежных небесных просторов во славу Отечества. А Женья Жигуленко, школьница-комсомолка из небольшого казачьего городка, затерявшегося в северокавказских степях, иного будущего для себя просто не представляла.

Для того чтобы быстрее осуществить свою мечту, она решила перейти из седьмого класса сразу в девятый. Ничего не говоря дома, подругам, раскрыв тайну лишь любимой учительнице, руководившей классом, Женья все лето занималась с утра до вечера. Днем, прячась от жары, она забиралась с книгами, со свечкой в погреб, а вечерами читала, решала задачи допоздна, пока усталость не закрывала глаза. Осенью Женья сдала на «хорошо» и «отлично» все экзамены за восьмой класс.

Став девятиклассницей, она заявила директору школы, что хочет поступить в аэроклуб.

— Нельзя, — ответил директор. — Ты занималась целое лето, а сейчас тебе тоже придется нелегко — с аэроклубом придется подождать.

Но Женья не могла отказаться от своей мечты. Перейдя в десятый класс, она тайком от преподавателей и родителей, даже от подруг, подала заявление о приеме в Военно-воздушную академию имени Жуковского. Оттуда пришел ответ: «Женщин в академию не принимают». Тогда она написала письмо наркому обороны Клименту Ефремовичу Ворошилову. Из секретариата наркома сообщили: «Если вы имеете особое желание учиться в Военно-воздушной академии имени Жуковского, то надо сначала получить среднее авиационно-техническое образование, и тогда вопрос о принятии вас в академию будет рассмотрен».

Это было очень хорошо, если бы, увы, не отдаляло заветную цель...

Но тут Женья узнала о существовании дирижаблестроительного института, — был тогда такой в Москве. Прочтя все, что было в библиотеке о дирижаблях, о воздухоплавании, она сказала матери:

— Я поеду учиться в Москву, стану дирижаблестроителем.

Мать была против этого, ей не хотелось отпускать Женью.

— Не надо, — сказала она. — Подожди годок, — время у тебя есть в запасе, а там станешь учиться где-нибудь поблизости от дома, на авиации свет клином не сошелся.

Женя думала по-иному. Кое-как сколотив деньги на дорогу, она, ничего не говоря родным, даже не простившись с ними, уехала в Москву. Школу она окончила отлично, и в институт ее приняли без экзаменов.

Начались занятия, а деньги, привезенные из дому, быстро растаяли. Женя, не объясняя, в чем дело, попросила помощи в профкоме. Ей помогли, а там пошла стипендия.

Через некоторое время Женю во время занятий вызвали в приемную. Там ее ждала мать. Они расцеловались, поплакали, дочь дала слово, что больше огорчать родных не будет, и мать, успокоенная, смирившаяся, уехала домой.

В институте Женя подружилась с Катей Тимченко, москвичкой, также сызмала полюбившей авиацию. С 1940 года они вместе стали заниматься в Центральном аэроклубе имени В. П. Чкалова.

В первую половину дня — аудитории и лаборатории, лекции, семинары, во второй половине — аэродром, вечером — книги, расчеты, мысли о том, какие ошибки были допущены сегодня при полете... И время от времени — прыжки с парашютом уже не с вышки, а с самолета. А попутно пробеги на лыжах, гонка на мотоцикле, участие в художественной самодеятельности и, конечно, Третьяковская галерея, новые фильмы, спектакли, — на все хватало интереса, сил!

В воскресенье 22 июня 1941 года, когда Женя, студентка третьего курса, успешно закончившая аэроклуб, нежилась еще в постели с увлекательной книгой в руках, она вдруг услышала: «Война...»

В первое мгновение это не дошло до ее сознания — так противоречила война всему тому, чем она жила, что ее окружало: и солнечным зайчиком на стенах комнаты, и пестрому шелковому платью, висевшему на спинке стула, и мыслям о каникулах, о море...

Потом, резко вскочив, выронив книгу, она воскликнула, глядя на подругу, которая принесла эту весть:

— Как это — война? Да быть не может!

Но это было так.

...Вернувшись с оборонных работ, куда их посылал институт, Женя и Катя побывали в военкомате, райкоме комсомола, аэроклубе, и всюду им говорили:

— Продолжайте учиться, девочки. В армию женщин не берут.

— Возьмут! — упрямо отвечали они.

Неугомонная Женя предложила отправиться в Управление Военно-Воздушных Сил Советской Армии.

— Летчики мы, в конце концов, или нет? Напрасно, что ли, нас учили в аэроклубе?!

Узнав через знакомых фамилию начальника одного из отделов управления, полковника, девушки позвонили ему по телефону, и он, почувствовав по их тону, что они чуть не плачут, заказал пропуск.

Полковник был уже немолодой. Может быть поэтому, вспоминая свою комсомольскую юность, он, слушая Женю и Катю, так тепло смотрел на них своими пронзительными серыми глазами.

— Вот что, друзья, — сказал он затем, — я, к сожалению, ничем вам помочь не могу, но слышал, что Марина Раскова формирует женскую авиационную часть. Обратитесь к ней, она бывает здесь.

— А она нас возьмет?

— Уж раз она набирает девушек, стало быть, и вы можете рассчитывать...

— Но где же мы ее найдем?

Полковник развел руками, давая понять, что ничем помочь больше не может.

Девушки, понурившись, вышли. Но когда полковник направился вслед за ними, по своим делам, он увидел в конце длинного коридора удаляющуюся женщину в военной форме.

— Девушки, погодите! — окликнул он Женю и Катю. — Кажется, это Марина Раскова, вам повезло. Желаю успеха!

Девушки пустились вдогонку, но тут Раскова, повидимому, услышавшая слова полковника, повернулась и пошла навстречу.

Женя и Катя, растерявшись, остановились.

— В чем дело, девушки? — спросила Раскова, подойдя поближе. И так как ответа не последовало, добавила дружелюбно: — Очевидно, вы летчицы?

— Мы окончили курсы... летали, прыгали с парашютами... учимся в институте, — наперебой заговорили девушки.

— Значит, короче говоря, собрались воевать?

— Конечно!

Задав еще несколько вопросов и записав в блокнот фамилии Жени и Кати, Раскова дала им адрес сборного пункта.

— Приходите завтра, к концу дня, но засветло. Захватите документы, немного вещей, самых нужных, теплых. И имейте в виду: со сборного пункта вы уже никуда не уйдете, будете на казарменном положении!

— Значит, все в порядке? — спросила Женя, еще не веря сама себе.

— Будет в порядке, — ответила Раскова, и грудной ее голос прозвучал особенно сердечно. — До завтра!

Под вечер Женя Жигуленко и Катя Тимченко вошли в большую комнату, заставленную рядами коек. За окном виднелись пожелтевшие липы Петровского парка. Комната была пуста. «Неужели мы первые?» — подумали они с гордостью.

Но это оказалось не так. Здесь уже расположились летчицы, пришедшие в рождавшийся полк из Гражданского воздушного флота и аэроклубов. В этот момент они были во дворе на строевых занятиях и скоро шумливой гурьбой вбежали в общежитие.

Познакомившись со своими будущими подругами, Женя и Катя внимательно приглядывались к ним, с интересом прислушивались к их разговорам, время от времени подавая свой голос.

Как было в ту пору всюду в Советской стране, речь вращалась вокруг положения на фронте.

Фашисты продолжали с боями продвигаться вперед. С этим было трудно примириться, но это ни у одной из девушек не порождало уныния, а тем более — паники. Они верили в стойкость своей Советской Армии, знали, чувствовали, что силы советского народа, возглавляемого Коммунистической партией, неодолимы. Жадно отыскивая в сводках Совинформбюро, на страницах газет все, что так или иначе отражало нашу мощь, они горячо откликались на каждый факт, свидетельствовавший о грозной для врага силе советского оружия, пока еще не проявившейся в полной мере.

Их радовало, что фашисты терпят жестокий урон в каждом бою, большим и малом. Снова и снова они вспоминали имена Николая Гастелло и других героев, обессмертивших себя подвигами в борьбе за Родину. А блестящая противовоздушная оборона Москвы — разве она не была провозвестником наших грядущих побед!

Фашистское командование предполагало сломить дух Москвы массированными налетами авиации, легко и просто удававшимся нацистам в Западной Европе. Но из сотен самолетов неприятеля, рвавшихся к Москве, пробивались одиночки, да и те в большинстве случаев не уходили от возмездия на обратном пути.

— Скоро и мы пойдем в бой за советское небо, — сказал кто-то. — Интересно, на чем станем летать — на штурмовиках, бомбардировщиках, истребителях, или связистами на «У-2»?

Завязался спор о том, какой вид авиации лучше, интереснее. Женя Жигуленко не вытерпела.

— Для меня это пока что вопрос второстепенный, — отозвалась она с горечью. — Вам проще: вы уже профессионалы, а мы еще только любители в летном деле.

— Терпение, терпение, — утешила Женя Крутова, опытный пилот. — Раз попали, девушки, в летную часть, значит не сомневайтесь — станете боевыми авиаторами!

— Пока солнце взойдет, роса очи выест, — со вздохом сказала Катя Тимченко.

Все заулыбались.

— Ой ли! Таким, как вы, никак не выест...

Чем дальше, тем ближе становились Кате и Жене их новые подруги. Это были такие же, как они, советские девушки, только раньше породнившиеся с авиацией.

Была здесь Нина Распопова, выглядевшая куда моложе своих 27 лет. Спокойная, приветливая, с радушной улыбкой, очень красившей ее, она охотно поведала «новеньким» обо всей своей жизни.

Нина родилась в дальневосточной тайге. Отец ее работал на золотых приисках и немало покатывал, пока осел на одном из них, в небольшом поселке. Нина окончила здесь семилетку, вступила в комсомол, была пионервожатой. Вскоре по комсомольской путевке она поступила в Благовещенский горнопромышленный техникум, где готовились специалисты для золотодобывающей промышленности. Сначала старые преподаватели недружелюбно косились на нее: «К чему, мол, девушке браться за мужское дело? Не бывало еще такого, чтобы женщина командовала на приисках...» А потом примирились, видя, как хорошо она училась.

Но ей не пришлось добывать золото: «Хочешь стать летчиком? — спросили у нее в Хабаровском обкоме комсомола. И добавили: «Учти — дело оборонного значения, ты будешь у нас среди первых девушек-авиаторов». Нина мгновенно представила себе синее небо, в котором, как ласточка, плывет легкая, стремительная машина. А под ней — безбрежная тайга, где от прииска до прииска — день пути. А, кроме того, это нужно, важно. «Хочу!» — воскликнула Нина, и, когда позже обнаружилось, что ее могут не взять в аэроклуб по молодости, она, не колеблясь, прибавила себе в анкете полтора года.

Она закончила Хабаровскую летную школу, потом школу планеристов в городе Спасске на Амуре, а в Омском аэроклубе она стала первым по области летчиком-планеристом. После четырех лет инструкторской работы ее направили для усовершенствования в Москву, в Центральный аэроклуб имени В. П. Чкалова. Летчик-инструктор с большим стажем, она перед войной успешно обучала молодежь.

— Понятно, почему тебя одной из первых направили сюда, — со вздохом сказала Катя Тимченко.

— Конечно, понятно. Но сколько еще мне придется учиться, чтобы стать настоящим военным летчиком!..

— Да, — подхватила сидевшая рядом Ирина Себрова, — всем нам еще учиться и учиться!

Ирина сравнительно давно связала свою судьбу с авиацией. Дочь московского рабочего, она сначала решила пойти по пути отца и, окончив школу фабрично-заводского обучения, стала слесарем, одновременно занимаясь на вечернем отделении техникума. А вскоре небольшая фабрика, где работала Себрова, командировала своих лучших комсомольцев в летную школу. Ирина попала в их число и быстро обнаружила блестящие летные

способности. После первого ее самостоятельного полета инструктор сказал: «Себровой я поставил бы не пятерку, а десятку...»

— Эта неосторожная похвала, — рассказывала она подругам в тот вечер, — вскружила мне голову, и я начала куралесить в воздухе. Но я вскоре поняла, что это к добру не приведет, и стала вести себя осмотрительно. Иначе не быть бы мне летчиком-инструктором, не обучать молодежь! А я уже обучила и выпустила двадцать пять молодых пилотов...

— Значит, ты скоро станешь хорошим военным летчиком.

— Трудно сказать... ведь еще неизвестно, на какой машине придется летать. Но трудностями ведь нас не запугаешь, верно? Когда я пошла учиться на слесаря, меня страшили подружки: «Зачем ты избрала такую специальность, не женское это дело!». А я доказала, что могу быть отличным слесарем, не хуже любого мужчины. Потом в аэроклубе обучалась наравне с мужчинами. Значит, для нас, советских девушек, нет невозможного! Если надо, будем работать по двадцать часов в сутки, чтобы стать хорошими военными летчиками, и станем ими...

Пришедшие к Расковой в первые дни формирования женской авиационной части летчицы Таня Макарова, Зоя Парфенова, Люба Ольховская, Надя Тропаревская тоже окончили школы летчиков при аэроклубах и избрали авиацию своей профессией.

— Главное — не робейте, девочки, — сказала Таня Макарова Жене Жигуленко и Кате Тимченко и при этом так смущенно улыбнулась, что не понять было, к кому в большей мере обращены ее слова — к «новеньким» ли, к себе ли самой?..

Тут в комнату вбежала Женья Крутова.

— Девушки! — крикнула она звонко, и все кругом смолкло. — Наши сбили над Москвой еще шестнадцать фашистских самолетов!

И опять пошла речь о том, что война только начиналась, что мы еще не показали всю свою силу, что будет и на нашей улице праздник, фашисты будут разбиты...

В эту ночь девушки почти не спали. То они говорили обо всем, что придет на ум, раскрывая самые заветные сердечные тайны, то писали письма родным, друзьям.

Воздушную тревогу объявляли дважды, но ненадолго: ни один неприятельский самолет не прорвался к Москве.

10

В следующие дни девушки приходили в общежитие большими группами — по 20—30 человек.

Вместе явились, чтобы дружно начать военную жизнь, студентки Московского университета Женья Руднева, Дуся Пасько, Катя Рябова,

Руфина Гашева, Полина Гельман, Аня Еленина, Леля Радчикова. Им навстречу вышла Ирина Ракобольская — студентка четвертого курса физико-математического факультета МГУ. Увидев ее, девушки обрадовались.

— Ты уже здесь!

— Вот молодец!

Ракобольскую знали все студентки. Член бюро университетской комсомольской организации, она часто выступала на собраниях, вела большую общественную работу.

Ее забросали вопросами. Выяснилось, что Ирина была дежурной по факультету, когда пришла телефонограмма из ЦК комсомола о добровольном наборе девушек в армию. Она приняла телефонограмму, опросила всех желающих, сделала то, что от нее требовалось, а потом и сама пошла. Ее зачислили сразу: отличница, активистка, физкультурница, была инструктором ГСО, прыгала с парашютом...

— А с родителями как устроилась?

Для многих это был больной вопрос.

Саша Акимова до последней минуты не решилась рассказать обо всем дома — жалела мать. А когда откладывать больше нельзя было и она поведала маме, что уходит в армию, та схватилась за сердце: «Как же так... Не посоветовалась, не подумала...» Саша не могла ничего ответить. Выручил отец. «Что ж, — сказал он глухо, поглаживая руку дочери, все еще казавшейся ему девочкой. — Война народная... Раз все воюют, надо воевать...»

Ирине Ракобольской, оказывается, повезло. Матери не было в Москве — она эвакуировалась. Из родных в городе оставался только дядюшка, преподаватель астрономии, лектор Московского планетария. Она пришла к нему с вещами, с рюкзаком за спиной. «Куда это ты собралась?» — спросил дядя. — «Меня берут в армию». — «Кем?» — «Преподавателем физики в военную школу», — тут же придумала Ирина. Дядя поворчал немного и успокоился.

Только все устроились, разместились по койкам, как в комнату вошла взволнованная молодая женщина с заплаканными глазами. Это была Ранса Маздринна, сотрудница Наркомата станкостроения, мать двоих маленьких детей. Она решила оставить их в тылу, а самой добровольно пойти на фронт, где в то время уже сражался ее муж.

Девушки всего этого не знали и удивленно, даже несколько недоброжелательно, смотрели на нее. Они молчаливо, не сговариваясь, наложили запрет на слезы, так уже получилось само собой: всем было тяжело покидать дом, родных, и все глубоко затаили свои чувства, не давали им воли...

Вот почему кто-то суховато спросил у Маздриной:

— Через ЦК ВЛКСМ прошла?

— Только сейчас оттуда.

— А почему глаза заплаканы, можно узнать?

— Можно, только дайте прийти в себя.

Успокоившись, она рассказала;

— В комиссии ЦК ВЛКСМ у меня из-за детей всю душу вымотали. «Как же так, — говорят, — молодая мать и решаешься идти на фронт, а детей на кого бросаешь?» — «Ничего, говорю, все оставляют. Я комсомолка, хочу на фронт». После долгих объяснений, уговоров согласились, наконец, и я поехала в наркомат за расчетом. Узнали в чем дело и зовут к наркому Александру Илларионовичу Ефремову. Он — с тем же вопросом: «Как вы решаетесь оставить двоих детей? А как обеспечена ваша семья?» — «Дети останутся с моей матерью. Она понимает... Она согласна...»

Опустив голову, она вытерла глаза и, вздохнув, продолжала:

— Узнав подробности о моем семейном положении, товарищ Ефремов распорядился сохранить пока за мной зарплату для семьи. Распрощалась я со всеми, еду домой. Там никого нет. Беру вещи — теплый свитер, перчатки, запираю комнату — и вниз по лестнице. А навстречу сестра. Она была под Смоленском, рыла окопы, ее отпустили. «Люба, говорю, я уйду в армию». — «Что ты, говорит, а ребята как?» Я уже было успокоилась, а она меня снова расстроила. Объяснила я ей все. Она проводила меня до ЦК комсомола, и здесь мы простились. А вы спрашиваете, почему заплаканная...

Девушки молчали, стараясь не смотреть друг на друга. Да и что было говорить! Тяжело расставаться с матерью, но матери расстаться с маленькими детьми еще тяжелее. Они это понимали и глубоко сочувствовали молодой женщине, простившейся с детьми, чтобы стать бойцом.

11

Прошло несколько дней. Девушки быстро свыклись со своей жизнью на сборном пункте, и она перестала им нравиться.

— Больше всего на свете не люблю неопределенность! — говорила Женя Жигуленко, вздыхая. И все ее понимали, с ней соглашались.

Неопределенностью девушки считали то, что военная учеба у них еще не началась, самолетов нет. Они жалели каждый потерянный, по их мнению, день. Но формирование части шло своим чередом, и время ее вступления в строй постепенно приближалось.

Вечером 15 октября был отдан приказ обмундировать личный состав. Всем выдали полный комплект обмундирования: кирзовые сапоги, гимнастерки, брюки, белье, шинели. Началось переодевание.

Сцену переодевания женщины-авиаторы до сих пор вспоминают, как один из самых веселых эпизодов своей военной жизни. Сапоги были от 40 до 43-го размера — вместо нужных 36, 35-го а то и 34-го номеров. Девушки набивали их ватой, бумагой и прозвали «котики», считая, что похожи в них на сказочного кота в сапогах. Шапки оказались настолько

велики некоторым, что когда командовали «равнение направо», шапка со звездой порой оставалась на прежнем месте, равнялась только голова, которая свободно поворачивалась под ее покровом, как под куполом. Что касается шинелей и брюк, то в них могли влезть сразу два—три таких бойца, как Маша Логачева или Саша Хорошилова...

Все это, однако, никого не расстроило. Военная форма радовала, а то, что она не очень изящна, — не беда, они собираются не на прогулку, не на бал, — на войну!..

Обмениваясь шутками, посмеиваясь над самыми маленькими, тщедушными подругами, которые утопали в обмундировании, девушки быстро подогнали форму под свой рост. Были подрезаны полы и рукава многих шинелей, укорочены брюки и гимнастерки, переставлены пуговицы.

И вот они смотрят друг на друга — и не узнают.

«Я ведь стала совсем мальчиком, — писала Женя Руднева родным. — Даже был такой случай: девчата из нашей группы сидели в столовой, одна из них говорит: «Вон какой хорошенький мальчик стоит у колонны. Ой, да ведь это Женя Руднева!»

Тем временем военная обстановка осложнилась. Фронт приближался к Москве. Все чаще и чаще над городом завывали сирены, возвещая воздушную тревогу.

Наконец был получен приказ: 17 октября на рассвете прибыть на одну из станций Окружной железной дороги, погрузиться в вагоны и отбыть в тыл для завершения формирования и боевой учебы.

Начались хлопотливые сборы. Быстро упаковали небольшое еще полковое имущество, сложили личные вещи и рюкзаки.

Семнадцатого октября в предрассветной мгле из ворот здания Военно-воздушной академии вышла небольшая колонна. Издали казалось, что это идут ополченцы в детах — так неровен был строй, нечеток шаг. И только присмотревшись, становились видны жгуты кос, свисавшие из-под шапок армейского образца, тонко очерченные напряженные девичьи лица.

Вспоминая впоследствии эти дни, Ира Каширина, студентка медицинского института, ставшая воином-авиатором, писала в своей «Поэме о полку»:

Ты помнишь, родная, октябрьские ночи,
Тревожные дни под Москвой,
Когда, не смыкая усталые очи,
Она сохраняла свой гордый покой?

Мы крепче в те дни полюбили столицу,
Она нам казалась прекрасней в стократ.
Кругом дорогие, суровые лица,
И каждый москвич — словно друг или брат.

В тяжелое время мы с ней расставались,
Стреляли зенитки, ревел паровоз,
Священной местью сердца наполнялись,
И в наших глазах не увидели слез...

Нелегко в те дни было выбраться из Москвы. Поезд, в котором ехали девушки, прошел десяток километров и остановился. Стоял долго, потом целый день петлял, кружил по путям Московского узла и только к вечеру вышел на линию Рязанской железной дороги.

До места назначения ехали девять суток. Состав подолгу задерживался на запасных путях, пропуская с востока на запад воинские эшелоны. А с запада на восток бесконечной лентой тянулись эшелоны с эвакуированным оборудованием заводов и фабрик. Мелькали платформы с огромными станинами, разобранными мостовыми кранами, станками и другим заводским имуществом. В теплушках, из которых валил дым от временных печурок, ехали рабочие и их семьи. Это было невиданное в истории войн великое переселение промышленности из угрожаемых районов в далекий тыл.

Каждый эшелон стремился проскочить вперед, их начальники до хрипоты спорили с железнодорожной администрацией. Железнодорожники пропускали по очереди поезд за поездом. Так и двигались от станции к станции, с частыми длительными остановками.

В вагоне, отведенном для командного состава, подолгу шли деловые разговоры. Марина Раскова и ее помощницы, перебирая личные дела девушек, обсуждали, как лучше всего использовать знания, способности, опыт каждой из них.

— Какие замечательные документы! — горячо сказала Евдокия Рачкевич, сжимая пачку анкет и биографий. — Читая их, словно перелистываешь историю нашей страны...

И в самом деле, биографии юных патриотов ярко отражали замечательный путь нашего народа. Все они были детьми простых тружеников, скромных советских людей, которые лишь после Октябрьской социалистической революции расправили плечи, вздохнули полной грудью.

Отец Жени Жигуленко был сапожным мастером. Родители Руфины Гашевой были сельскими учителями в одном из глухих уголков Урала. Отец Поли Гельман, участник IX съезда партии, работал в подполье в годы гражданской войны, был выдан провокатором белогвардейцам и зверски растерзан ими. Брат Раисы Маздриной, дочери донбасского шахтера, командир Красной Гвардии, погиб на гражданской войне.

Плоть от плоти народа, эти девушки в мирное время радовали сердца своими успехами в труде и учебе, своей яркой, светлой жизнью, устремленной вперед, а когда загремела война — своим патриотизмом, готовностью к самопожертвованию.

Но сами девушки не задумывались над этим. Им все представлялось простым и непреложным: Родина в опасности, значит Родину надо защищать, не считаясь ни с чем, иначе и быть не может, о чем тут говорить!..

В товарных вагонах с наскоро сколоченными нарами было шумно и весело.

Под стук вагонных колес лились песни, сыпались шутки, разворачивалась причудливая вязь старых народных сказок, которых знала так много Женья Руднева, а если и не знала, то тут же сочиняла их, перенося подруг в таинственный мир благородных великанов и злых карликов, седобородых кудесников и отвратительных колдунов, снабженных всеми отличительными приметами бесноватого фюрера.

Война давала себя знать уже во многом. Было не очень хорошо с питанием, но девушки не сетовали, дружно делясь всеми домашними лакомствами, вывезенными из Москвы, а потом, когда они кончились, с аппетитом пили чай «на чистых сухарях». На остановках все выскакивали из вагонов, чтобы размяться. По очереди бегали за водой, за дровами для железных печурок, весело потрескивавших целые сутки. И до чего же хорошо спалось в пути под серыми шинелями, на нарах, устланных матрацами...

Почти каждый день во все вагоны заглядывала Марина Раскова.

— Мы скоро приедем, — говорила она, — будем учиться, а потом воевать. Много испытаний ждет нас впереди, но мы победим. Видите сами, что творится вокруг. Огромная силища готовится в тылу. И мы станем частицей этой силы. Вы понимаете, какая ответственность ложится на нас? Чтобы оправдать доверие Родины, необходимо долго и упорно работать. Нам придется действовать рядом, наравне с кадровыми полками — легкое ли это дело?

И, немного помедлив, спрашивала, обведя взором серьезные, разом повзрослевшие лица девушек:

— Как вы думаете, выдержим?

— Выдержим, выдержим да еще обгоним! — сыпалось со всех сторон.

Слушая ежедневные сводки с фронтов, которые зачитывали по вагонам политработники, девушки снова и снова с нетерпением думали: поскорей бы на фронт, в бой!..

А эшелон продолжал свой путь.

